

ПУТИН

НАШИ ЦЕННОСТИ

Алексей Чадаев

Алексей Чадаев

Путин. Наши ценности

«ЭКСМО»

2018

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

Чадаев А.

Путин. Наши ценности / А. Чадаев — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-090231-6

Главный герой этой книги – народ России. Она посвящена тем ценностям и убеждениям, которые характерны для нас с вами. Кто такие вообще эти самые «мы»? Как мы видим нашу страну и ее место в мире? Почему у нас никак не получается добиться взаимопонимания с Западом? И почему именно Владимир Путин стал главным защитником и выразителем наших ценностей? На все эти вопросы вы найдете ответы в новой книге Алексея Чадаева, автора бестселлера «Путин. Его идеология».

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-04-090231-6

© Чадаев А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

О чём и зачем эта книга?	6
Глава 1. Новые медиа и новая Россия	10
Открытое общество и Владимир Путин	11
От Петра до Владимира	12
Оппозиция Россия – Запад	14
Вопросы идентичности	15
Европейские старообрядцы	16
Новые медиа и открытое общество	17
Враг в отражении	18
Глава 2. Средний класс: каким он мог стать, но не стал	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Чадаев

Путин. Наши ценности

© Чадаев А.В., текст, 2018

© АНО «Институт развития парламентаризма»

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

О чём и зачем эта книга?

В середине нулевых годов в книге «Путин. Его идеология» я писал: «В истории существуют два типа отношения к ценностям. Сильный собственник готов всем предъявить то, чем он обладает. Ценность, которой обладает слабый собственник, скрывается. В этом случае главной защитой ценности является тайна. Путин вынужден использовать стратегию слабого. Оказывается, что любой сильный тезис, высказанный публично, гораздо труднее защитить, чем тот, который замаскирован общими словами и ничего не значащими выражениями».

За прошедшее десятилетие наша страна стала гораздо сильнее, а Путин стал куда более прямо высказываться о тех ценностях, которые значимы как лично для него, так и для всего российского народа. Скрывать их больше не требуется. В 2012 году во время очередного обращения к Федеральному собранию Владимир Путин заявил: «Мне больно сегодня об этом говорить, но сказать я об этом обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп <...> дефицит того, что во все времена делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились». После этих слов Путина понятие «духовные скрепы» прочно вошло в российский политический дискурс. По значению духовные скрепы безусловно близки моральным ценностям, но всё же это более широкое понятие.

Владимир Путин в своих выступлениях часто обращается к ценностному ряду. Вслед за ним этот вопрос поднимают и другие политические деятели. Таким образом, вопрос традиционных российских ценностей за последние годы прочно вошёл в политический лексикон, но, в то же время произошло и некоторое размывание этого понятия. Споры о том, что именно входит в перечень традиционных для России ценностей, не менее остры, чем споры о том, нужны ли России вообще какие-то свои специфические ценности, отличные от «общечеловеческих», к которым так любят обращаться на Западе.

Ценности нашего общества – главная тема этой книги. Мы попробуем разобраться, что входит в актуальный для России ценностный ряд, в каких аспектах жизни нашего общества эти ценности проявляются, в чём их отличие от ценностного ряда стран Запада.

Каждая глава посвящена одной из ценностей, присущих российскому обществу и тому, как она воплощается в политике Владимира Путина.

Глава I посвящена феномену Новых медиа и их роли в новой России. Ценность, о которой пойдёт речь, – **«Открытость»**.

Открытость – одна из ключевых ценностных установок современного мира. Согласно учению австрийского философа Карла Поппера, в мире противостоят друг другу два типа обществ – открытые, основанные на свободе информации и свободе мнений, и закрытые, основанные либо на традиции, либо на авторитарном диктате.

Современные попперианцы, включая влиятельного Джорджа Сороса, традиционно отождествляют с открытым обществом западные демократии, а с закрытым – советскую систему. А после её краха – различные лидерские режимы, включая и российский при Путине.

Но в этой модели присутствует важное допущение: само по себе повышение уровня открытости, в том числе за счёт массового проникновения и распространения цифровых коммуникационных технологий, должно неизбежно ослаблять традиционалистские и авторитарные системы, заменять их режимами западного образца. Такова, в частности, механика «цветных революций».

Путинская Россия оказалась неожиданным и необъяснимым исключением. По мере распространения технологий и повышения «открытости» поддержка власти гражданами не уменьшалась, а увеличивалась. Как и влияние во внешнем мире, когда уже и ведущие страны Запада

говорят о «русских хакерах» и «русской пропаганде» как факторе даже своей внутренней политики.

Задача этой главы – дать ответ на вопрос: почему это произошло? Действительно ли Россия является таким уж «закрытым» обществом, удерживаемым традицией и авторитарным управлением? Нет ли ошибки в самой модели? Что именно внешние и внутренние наблюдатели упускают из вида, наблюдая путинскую систему власти?

Глава II расскажет о среднем классе и о том, каким он мог бы стать. Основная ценность, раскрываемая в этой главе, – **«Ответственность»**.

Среднему классу после перестройки отводилась особая роль в политическом дискурсе страны. Интересы и чаяния этого обширного класса определяли политические цели государства.

Становление и развитие среднего класса было важнейшим условием для благополучного перехода к рыночной экономике после преодоления последствий «лихих девяностых». Во второй половине нулевых средний класс виделся главным инструментом превращения «примитивной сырьевой экономики» в экономику инновационную.

Эта глава даёт ответ на вопросы: почему прослойка офисных сотрудников так и не стала «средним классом»? Почему «Новые сердитые» смогли объединиться в декабре 2011-го, однако никому из лидеров оппозиции не удалось сформулировать для них программу? И кто в конце концов стал основой для формирования нового среднего класса?

Глава III посвящена крымскому консенсусу, и речь в ней пойдёт о **«Преемственности»**.

Воссоединение Крыма с Россией не стало внезапным. Это результат многолетнего идеологического и политического курса, который избрал Владимир Путин. В 2005 году в интервью немецким журналистам Президент отмечал, что распад СССР стал трагедией для 25 миллионов людей, которые внезапно проснулись в другом государстве, хотя идентифицировали себя как часть русского народа.

Однако крымский референдум в марте 2014 года показал, что воссоединение разобщённых россиян возможно. Это одновременно вдохновило многих граждан России и серьёзно обеспокоило зарубежных политиков и журналистов, а также ближайших соседей России.

«Крымская весна» подняла тему идентичности, права на историю нашего общества, поставила вопрос о том, кто же такие «мы», поддерживавшие воссоединение Крыма и России?

Третья глава даёт ответы на вопросы о том, почему Крым стал точкой консолидации, несмотря на тысячи проблем, которые он принёс с собой. Какие символы «крымской весны» появились? Как Крым стал фактором актуальной российской политики? И как Российская Федерация, которой чуть больше четверти века, связана с тысячелетней Россией?

Глава IV расскажет о сбережении народа. Главная ценность, о которой мы поговорим, – **«Жизнь»**.

Упор на демографический вопрос и укрепление здоровья нации стал приоритетом внутренней политики после «лихих 90-х», когда миллионы людей погибали по различным причинам. Сложная социальная ситуация закладывала в сознание детей и молодёжи деформированные понятия о семье, что негативно отразилось на обществе спустя несколько лет.

Владимир Путин осознавал эту проблему, поэтому с самого начала своего президентства стал заниматься демографическими вопросами, справедливо считая человеческий капитал главным богатством России. Важным решением стала защита российских сирот за рубежом.

Эта глава призвана ответить на следующие вопросы: какой путь прошла Россия, чтобы решить серьёзный демографический кризис? Какими методами действовали власти? Почему Россия, имея сильную армию и слабую экономику, все же настойчиво гасит конфликты, как внутренние, так и внешние?

Глава V посвящена поискам моделей роста в современной России. Разговор в ней пойдёт о **«Благосостоянии»**.

За 30 лет российская экономика претерпела феноменальные изменения. Переход к рыночной модели, дефолт, несколько кризисов, перераспределение финансовых потоков – всё это к началу нулевых стало сигналом к глобальному изменению в экономической сфере. Разрыв между богатыми и бедными нарастал, механических перераспределений финансовых потоков было уже недостаточно, к тому же в обществе рос запрос на социальную справедливость.

Самым важным шагом для роста благосостояния стали майские указы 2012 года. 34 поручения охватывали практически все сферы государственной социальной политики: от здравоохранения, образования до науки и доступной среды для инвалидов. Указы превратились в полноценную программу перераспределения социальных благ и стали выражением философии «выигрыша для всех» от экономического роста страны.

Эта глава рассказывает о том, почему нефтегазовая экономика кормит всех, но не нравится никому? Как майские указы изменили социально-экономическую сферу в России? И почему майские указы повлекли за собой развитие института общественного контроля?

Глава VI посвящена взаимоотношениям России и США, ключевая ценность – **«Независимость»**.

Тема взаимоотношений двух стран не перестаёт быть актуальной уже много лет. Отношения двух держав всегда были неровными, и зависели не только от международного статуса России, но и от особенностей восприятия обеими странами окружающей действительности.

Американцы считают свой народ «избранным» и имеют «имперские амбиции». Однако российская амбициозность отличается от американской доктрины «явного предназначения».

При стремлении к объединению земель и народов Россия никогда не шла по пути тотального уничтожения коренных народов какого-либо региона. В российской истории не было ничего похожего на индейскую «дорогу слёз».

В шестой главе будут найдены ответы на вопросы: почему в Госдуме России аплодировали победе республиканского кандидата над демократическим? Почему история России тесно связана с сакральными основаниями американской государственности? Как Россия участвовала в становлении и развитии Соединённых Штатов Америки? Почему страна, чей основополагающий документ – Декларация независимости, не хочет признавать право на независимость за другими?

Глава VII расскажет о взаимоотношениях старой и новой Европы, а также о роли России в этом процессе. Основная ценность этой главы – **«Традиция»**.

Важнейшими системообразующими элементами российской идеологии являются консервативные ценности, которые олицетворяет Владимир Путин. А сам консерватизм постепенно становится элементом своеобразного «идеологического экспорта» в страны Запада и особенно в Европу.

Европейский консерватизм сделал круг: в XVII–XIX веках он прошёл определённое переосмысление в России и в XXI веке вернулся в идеологическое поле ЕС, где стал мобилизационным фактором. Евроскептики и консерваторы стали равняться на Путина, который олицетворяет консервативную Россию.

С точки зрения традиционализма и консервативной морали Россию справедливо можно считать «более Европой, чем сама Европа».

Эта глава расскажет, почему для России так важно одновременно быть частью Европы и в то же время постоянно спорить с ней? Каким образом Россия мобилизовала свою внутреннюю «иммунную систему»? Как Россия адаптировала под свой менталитет разрушительную технологию «цветных революций», сделав её механизмом межкультурной коммуникации? И может ли Россия поставлять консервативные ценности на экспорт?

Глава VIII поднимет вопрос роли России в христианском мире. Ценность – **«Вера»**.

Образ сильной и независимой России всё больше влияет на внутрисполитические процессы других стран. Христианские консерваторы позиционируют Путина последним защитником веры в Европе, храбрым рыцарем, который без страха и упрёка борется с мировой гидрой.

Однако какова роль религии и Церкви внутри нашей страны? За последние 25 лет РПЦ прошла длинную дорогу, став крупным общественным институтом, но в то же время Церковь не смогла сформировать для страны новую идеологию.

В этой главе читатель получит ответ на вопрос, почему постсоветская Россия, будучи светской страной с малорелигиозным населением, так настойчиво защищает христианские ценности?

Глава IX посвящена исламскому миру, и речь в ней пойдёт о такой ценности, как **«Уважение»**.

Отношение к религии в России можно по праву считать уникальным. Князь Владимир больше тысячи лет назад объединил наш народ, ассимилировал этносы и нации, создав новые религиозные традиции. В рамках этих традиций общество всегда шло на компромисс, когда сталкивалось с проблемами в религиозной сфере.

Новейшая история России и мира выявила новые проблемы в религиозно-государственных отношениях. Ими стали радикальный исламизм и опирающийся на него терроризм. Поскольку в составе России существуют исламские общины с различными культурно-этническими традициями, эта проблема становится особенно актуальной.

Девятая глава объясняет причины возникновения внутриисламских конфликтов и отвечает на вопрос – почему исламским лидерам легче находить общий язык с христианскими лидерами, чем с либеральными агностиками? А также каковы исторические предпосылки этого явления в России и в мире?

Глава X – «Россия в Сирии», речь в ней пойдёт о **«Многообразии»**.

Наряду с Ливией, Египтом и другими странами Ближнего Востока Сирия стала очередным очагом конфликта на мировой политической арене. В отличие от Египта или Туниса с Ливией в Сирии режим сохранился, несмотря на внешнее давление ЕС, США и суннитских монархий Залива.

Сирийский конфликт открыл ящик Пандоры – так мир узнал о террористической организации ИГИЛ, которую запретили в Российской Федерации и ряде других стран. Кроме того, США без согласования с сирийским правительством вторглись в Сирию для уничтожения террористов. Для России же антитеррористические действия на Ближнем Востоке носят не только геополитическое значение, но и символический характер.

Десятая глава даст ответы на вопросы, почему Россия, имея ряд напряжённых конфликтов на собственных границах, приняла сторону в чужой гражданской войне, идущей за сотни километров от неё? В чём современные США копируют СССР?

Глава 1. Новые медиа и новая Россия

Ценность: ДИАЛОГ

Более ста лет назад Владимир Ленин выдвинул тезис, который известен любому сотруднику СМИ на постсоветском пространстве: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Безусловно, технологии за прошедший век шагнули далеко вперёд, но их наполнение принципиально не изменилось. В современном мире позицию большевистских «Правды» и «Искры» занимают новые медиа, которые, по замыслу архитекторов миропорядка, должны играть роль пресловутого коллективного пропагандиста, агитатора и организатора.

Во множестве работ западных авторов, начиная с классического труда Карла Поппера «Открытое общество и его враги», описана типичная схема, согласно которой правители всевозможных «закрытых» режимов пытаются сохранить власть путём контроля над средствами массовой информации. Из этого делается логичный вывод, что утрата монополии на СМИ равнозначна утрате монополии на власть. Таким образом, согласно базовой теории либерал-глобалистов, само появление новых медиа приводит к революционным событиям. Новые медиа и социальные сети становятся тем самым коллективным пропагандистом, агитатором и организатором революции, о которых говорил лидер большевиков.

Эта ленинско-попперовская максима прекрасно работала во время всевозможных «цветных революций» на территории бывшего СССР, а равно и во время «арабской весны». На протяжении всего периода 2000-х мы могли наблюдать один и тот же сценарий в самых разных уголках планеты – от Сербии до Киргизии, от Грузии до Египта.

Открытое общество и Владимир Путин

Ещё несколько лет назад в России оппозиционная прозападная общественность всерьёз рассчитывала, что описанная выше механика «вскрытия» подойдёт и для нашей страны. Как аксиома воспринималось утверждение, что развитие интернет-технологий приведёт к неминуемому свержению действующей власти. В июне 2011-го в интервью французскому изданию RFI известный критик Владимира Путина Гарри Каспаров заявил: «В авторитарных режимах политическая оппозиция вообще не находит никакой поддержки. В Египте 30 лет этой оппозиции не было, потом в течение 30 дней режим Мубарака пал. А в России оппозиция убрана с политической арены. Российская оппозиция существует, она борется. Мы считаем, что Интернет и современные технологии дают нам возможность обращаться к людям».

Альтернативой царству свободы в Интернете предьявляется пропагандистская машина провластных медиа. «Контролируемые Кремлём телеканалы ставят перед собой не журналистские, а совершенно другие задачи: создание какого-то вымышленного образа России, его поддержка и контроль. Действуют так: развлечения плюс подрыв критического мышления. Страх, стремление разбередить старые раны, и, наконец, когда люди эмоционально подготовлены, им посылают определённую весть. «Путин приведёт всё в порядок», – сказал в специальном интервью прибалтийскому интернет-порталу Delfi журналист, проживающий в Великобритании автор книги о России при Путине «Всё неправда, и всё возможно» (Nothing Is True and Everything Is Possible), Питер Померанцев.

Проникновение Интернета в нашу жизнь совпало по времени с ростом популярности Владимира Путина. Чем больше Интернета становилось в нашей жизни, тем выше поднимался рейтинг Путина.

Считалось, что власти удерживаются благодаря тому, что государству так или иначе принадлежат крупнейшие телеканалы. После того как вырастет новое поколение, которое привыкло черпать информацию из Интернета, произойдет неминуемая утрата контроля власти над информацией. Однако ничего подобного не произошло. Более того, проникновение Интернета в нашу жизнь совпало по времени с ростом популярности Владимира Путина. Чем больше Интернета становилось в нашей жизни, тем выше поднимался рейтинг Путина.

После воссоединения с Крымом даже самым последовательным сторонникам идеи «вскрытия» стало понятно, что в России она не работает. Несмотря на высокий уровень интернетизации страны, Владимир Путин продолжает пользоваться большой поддержкой населения. Напрашивается неизбежный вывод: либо представление о России как о закрытом полуавторитарном режиме неверно, либо сама концепция открытого общества дала сбой, поэтому изъясн стоит искать в ней. На текущий момент «мировая антирусская мысль» находится на этой развилке и никак не может прийти к единому мнению.

Почему-то технологии, прекрасно действовавшие в арабском мире, в Африке, в Азии и других достаточно далёких в культурном плане от Запада местах и прекрасно зарекомендовавшие себя в восточноевропейских Сербии и Украине, забуксовали в достаточно близкой России.

Чтобы понять почему, необходимо снова обратиться к прикладному «россиеведению».

От Петра до Владимира

На протяжении долгого времени Россия, по выражению Владимира Путина, выполняла «цивилизаторскую миссию» в условной зоне своего влияния. После того как Петр I прорубил окно в Европу, в числе знаний и опыта Россия позаимствовала ряд ценностей, в том числе интегрировала в свой код цивилизаторство как практику. В дальнейшем цивилизаторство было распространено на подконтрольные территории: Крым, Северный Кавказ, Среднюю Азию и так далее.

Подобную цивилизаторскую миссию в разное время проводили Великобритания, Франция, Испания – страны, стоящие на более высокой ступени технического и культурного развития. Они несли технологии в колонии (впрочем, совмещая цивилизаторство с насилием и грабежом). Русская модель отличалась меньшей категоричностью. Наш подход к продвижению ценностей и технологий исключал уничтожение других народов и культур – практику, которую в те времена использовали европейцы.

После развала Российской империи роль «прогрессора» и цивилизатора успешно унаследовал СССР, в приоритетном порядке развивавший именно свои окраины. Двигателем цивилизаторства были индустриализация и урбанизация, но, разумеется, помимо заводов необходимо было строить школы, вузы, больницы в республиках.

Кроме того, что советские граждане активно развивали инфраструктуру на периферии, территории получали финансовую поддержку в виде квот и дотаций. После развала СССР многие советские специалисты переехали на территорию России, и многочисленные заводы и предприятия в новообразованных независимых государствах не сумели пережить «транзита». Процесс их медленного угасания продолжается до сих пор.

«Россия сделала удивительную вещь в 1991 году: она возглавила процесс мирного роспуска СССР. Огромные куски той страны стали независимыми государствами. Во многих остались миллионы русских. И всё это без всякого сопротивления со стороны России. Это был невероятный акт самоотверженности или, скажем так, наивности», – так охарактеризовал этот процесс сотрудник Института глобальной политики Лондонского университета «Метрополи-тен» Джордж Самуэли.

Что удивительно, традиция содействовать развитию на постсоветской территории не прервалась вплоть до настоящего момента. В 2013 году Владимир Путин обратил внимание на то, что Россия является основным инвестором в экономику Белоруссии.

«Объём накопленных российских капложений – 5,8 миллиарда долларов. Преимущественно это самые ценные инвестиции, прямые инвестиции в системообразующие секторы белорусской экономики – газотранспортную отрасль, обрабатывающую отрасль, транспорт и связь», – сказал Президент России во время встречи с Александром Лукашенко в декабре 2013 года.

Приходя в горные деревни, не зная даже канализации, выходцы из России оставляли после себя больницы, библиотеки и заводы.

В числе крупнейших инвестиционных проектов можно вспомнить сооружение Белорусской АЭС, создание холдинга «Росбелавто» на базе «КамАЗа» и «МАЗа», совместную работу компаний «Евросим» и «Гродно Азот».

Россия систематически оказывает помощь Узбекистану в подготовке учителей, а также многим другим республикам бывшего Советского Союза, Азии, Африки.

На протяжении веков Россия была страной, которая активно влияла на все окрестные государства. Приходя в горные деревни, не зная даже канализации, выходцы из России

оставляли после себя больницы, библиотеки и заводы. Наша нация – нация цивилизаторов. Даже в конце 1990-х – начале нулевых, когда в России возникали экономические трудности, государство помогало другим странам, не забывая об исторических связях, которые объединяют наши народы. Русские веками впитывали эти догмы, растили своего «царя в голове». Поэтому попытка влияния на нас извне так болезненно и в штыки воспринимается сейчас. Натывается на позицию «мы сами всё умеем».

Это не всегда так, зачастую России действительно есть чему поучиться и у западных, и у восточных стран, но менторский тон, который на протяжении последних 25 лет используется в отношении России, вызывает жесточайшее сопротивление на ментальном уровне.

Таким образом, оказалось ошибочно само базовое представление о России как о скучающем двоечнике с задней парты. Пока коллективный Запад читал нам проповеди, Россия внимательно слушала и адаптировала удачные ходы под свои нужды.

Оппозиция Россия – Запад

На протяжении всей своей истории Россия развивалась пусть самостоятельно, но в общем русле европейской цивилизации. Даже цивилизационная марксистская альтернатива никогда не была чисто русской – это абсолютно западные по своему происхождению концепции, воспринятые русскими мыслителями. Империя Романовых воспринимала и другие западные концепции. Так же, как многие западные идеи заимствует РФ сейчас. Однако Россия раз за разом перерабатывала заимствованные идеи, превращая их во что-то своё. Марксизм с 1917 года и в России, и за её пределами воспринимался как вызов всему миру. Посыл политического марксизма был прозрачен: мировая революция должна разрушить и заново построить «весь мир». В мире было много тех, кто с этим был, мягко говоря, не согласен. Точно так же в современной России не находит понимания идея о том, что глобалистские прозападные революции должны в конечном итоге снести и нашу страну. В наших координатах современный либерал-глобализм представляет собой троцкизм, из которого убрали классовую доктрину и истмат. Россия это уже проходила, именно этим объясняется наш иммунитет к подобным «неизбежностям».

Несмотря на явное родство наших цивилизационных установок с Западом, нас всегда маркировали как «анти-Запад». Противопоставление России и Запада началось задолго до XX века и победы марксистской теории в отдельно взятой стране. Скорее это было итогом длительного процесса. Европа и в XIX веке считала нас цивилизационным противником, но в XX веке она получила этому зримое подтверждение – «чуждую» марксистскую идеологию. Россия, к сожалению, на том этапе и сама втянулась в чисто идеологическое противостояние, вместо того чтобы оставаться на хорошо знакомом поле геополитики, привычном ещё со времён Наполеоновских войн и «Большой игры» между Британией и Российской империей.

К сожалению, сформированные в XX веке идеологические установки о России как о вражеской стране живы до сих пор. Так, согласно опросу Fox News, проведённому весной 2017 года, 64 % американцев считают Россию врагом. Шаблонный и стереотипный взгляд на «агрессивного русского медведя» выгоден Западу в первую очередь с точки зрения собственной внутренней пропаганды.

Россия для Запада очень удобный враг. Привычный и наглядный. Тяжело видеть глобального и сильного врага в кучке плохо одетых мужчин, которые бегают с автоматами где-то там в далекой пустыне. Во-первых, такой противник для крупнейшего военного альянса в истории человечества смотрится несерьёзно; во-вторых, победить его, как и любое другое партизанское движение, крайне трудно; в-третьих, борьба с исламским радикализмом может задеть чьи-нибудь тонкие чувства, нарушить пресловутую политкорректность.

Совсем другое дело Россия. Подавляющее большинство населения белые, а значит, в маркировке её как врага нет расизма. Ядерный потенциал, почти равный американскому, делает её очень грозным в теории, но очень безопасным на практике противником. Ведь никто не хочет ядерной войны, поэтому можно ограничиться демагогией и дипломатическими пикировками. Россия становится идеальным врагом.

В итоге Запад оказался заложником собственной пропаганды и никак не может понять, что феномен Путина – это не пример авторитарного режима, который можно свергнуть при помощи майданных технологий.

Вопросы идентичности

Для любой идентичности крайне важна система маркировки «свой – чужой». Сотни миллионов людей могут ощущать себя единой общностью лишь тогда, когда понимают, что есть чужие, в эту общность не входящие. Без чужих невозможно никакое европейское или трансатлантическое единство. На протяжении веков роль границы, которая отделяла одну общность от другой, играли самые разные обстоятельства – язык, религия, гражданство, цвет кожи, ценности.

Когда некий союз начинает трещать по швам, самый простой способ его укрепить – найти врага. Неслучайно нынешний виток обострения противостояния России и Запада начался ровно в тот момент, когда ряд стран задумался о выходе из ЕС и всё громче начали звучать голоса о том, что НАТО утратило смысл своего существования.

Современный извод либерал-глобализма де-факто в виде границы «свой – чужой» предлагает набор неких достаточно абстрактных демократических ценностей. Причём в рамках этой модели Саудовская Аравия, которую, при всем уважении, сложно назвать светским режимом, оказывается по одну сторону баррикад, а Россия – по другую.

Однако уже более четверти века политическая система в России не имеет ничего общего ни с тоталитаризмом, ни с авторитаризмом, в которых её обвиняют. Европе и Западу трудно менять мнение и формат пропаганды, много лет работающей в подобной концепции. По удачной путинской метафоре, в России глобалисты нашли примерно то же самое, что и их идейные предшественники в евреях – народ принципиально «необучаемый» и «неинтегрируемый».

В России, в свою очередь, есть свои проблемы с идентичностью. Ни в одном другом европейском государстве не возникало противопоставление «Мы – Европа». Тем не менее вот уже почти две сотни лет отечественные славянофилы и западники ведут между собой этот жаркий, но совершенно бесполезный спор.

Европейские старообрядцы

Внутри самой России много веков существует очень похожий по типу раскол – между официальной Церковью и теми православными христианами, которые отвергли предпринятую в 1650–1660-х годах патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем церковную реформу.

Пока в Европе меняются господствующие идеи, а власть идет на поводу у радикально настроенных социальных групп, Россия веками выступает за примерно одни и те же ценности, не меняя правила в обществе в зависимости от модных течений, давления сексуальных меньшинств или мигрантов. «Новое – не значит лучшее», – говорят сторонники «старого обряда». «Новое – не значит лучшее», – говорит и Россия по поводу очередного «апгрейда» западного ценностного набора.

Совершенно внезапно для всех, в том числе и для самих русских, выяснилось, что у России есть идеологическая повестка, которую она может экспортировать на Запад.

Этот факт не учли в начале 1890-х либералы-западники, стоявшие в то время у руля крупнейших медиа России. Казалось бы, в их руках было гораздо больше медиавласти, чем у современных российских политиков. Не было конкуренции со стороны блогеров и пользователей соцсетей, которых тогда ещё не существовало. Однако непонимание российского менталитета стало одной из причин скорого заката власти либералов в России. Русский народ «цивилизовать» и подвергнуть стандартной процедуре транзита не получилось, несмотря на всевозможные пропагандистские рычаги влияния. Отечественные глобалисты так и не смогли навязать менторский шаблон, предоставленный их западными партнёрами. Имея под собой мощную структуру СМИ и борясь с осколками старой системы, российский либеральный лагерь проиграл и сам превратился в маргиналов.

Запад же стал жертвой собственной пропаганды. По факту Россия – демократическое государство, где есть национальный лидер, выражающий общероссийские ценности, и возможна свободная дискуссия. Ничего выпадающего из западного контекста здесь нет. Такими же национальными лидерами были Рузвельт или де Голль.

Россия выработала иммунитет к подобной глобалистской повестке, однако европейские либерал-глобалисты стали испытывать подобные трудности в своих странах относительно недавно.

Один из таких случаев связан с поражением Хиллари Клинтон, которая претендовала на пост президента США в 2016 году. Член демократической партии контролировала 90 % традиционных СМИ, которые за десятилетия зарекомендовали себя как профессиональные медиа с миллионами зрителей и читателей. Однако представитель партии республиканцев Дональд Трамп в ходе президентской гонки доказал, что его личный твиттер может обогнать по просмотрам дружественный Клинтон телеканал CNN и другие СМИ, на которые ежемесячно уходят миллионы долларов.

Новые медиа ударили прямо по своим создателям. Все те, кто считал, что виртуозно владеет этим инструментом, оказались на проигравшей стороне. Кроме того, выяснилось, что это «европейское старообрядчество», которое продвигает Россия, может найти почитателей и на Западе. Совершенно внезапно для всех, в том числе и для самих русских, выяснилось, что у России есть идеологическая повестка, которую она может экспортировать на Запад.

Новые медиа и открытое общество

Важный момент, который наглядно показал провал оранжевых революций в России, заключается в том, что новые медиа оказались лишь инфраструктурой. Скамейкой у подъезда, где собираются пять бабушек, чтобы обсудить свежие сплетни. Да, безусловно, теперь эти «бабушки» могут сидеть за тысячи километров друг от друга, но это лишь очередное средство коммуникации наравне с телеграфом или телефоном. Само по себе наличие в вашей квартире проводов никак не влияет на степень открытости или закрытости общества.

В то же время, после того как собственное содержание России стало востребовано на Западе, уже у российских СМИ за границей начались проблемы. Стали появляться претензии и применяться санкции. Например, в 2016 году Комитет Европарламента по иностранным делам включил информационное агентство Sputnik и телеканал RT в число информационных угроз Евросоюзу. В соответствующем проекте резолюции выражается серьезная обеспокоенность расширением «российского влияния и гегемонии». Сайт Sputnik был заблокирован в Турции, Латвии; многие журналисты попали под санкции и не смогли работать в США и Европе.

По сути, Запад начал применять ту практику, за которую сам, зачастую необоснованно, критиковал Россию. Такой шаг свидетельствует, что Запад опасается информационного потока независимых от западного истеблишмента СМИ и включает защитные механизмы. При этом в риторике западных политиков часто звучат обвинения в адрес президента России в расширении влияния пророссийских медиа на территории иностранных государств. Напрашивается аналогия с Гамельнским крысоловом. Современный крысолов через экраны, мониторы и страницы газет проникает в неокрепшее сознание европейской молодежи с помощью «пропаганды» и уводит её в другой мир. В данном случае русский крысолов оказался настолько силен, что, если верить ведущим мировым СМИ, смог увлечь за собой даже нового президента США.

Стоит отметить, что развитые страны, включая Россию, не пытаются ограничить дискуссию как таковую, а пытаются локализовать точку «вброса» той или иной информации. К примеру, во время уже упомянутой избирательной кампании в США некоторые сторонники Хиллари Клинтон уверяли, что нельзя использовать информацию с сайта Wikileaks, поскольку она предоставлена подлыми русскими хакерами. Все предпочитают законодательно или на общественном уровне блокировать источник «вброса» информации, не мешая пользователям обсуждать остальные темы.

Враг в отражении

Незадолго до своего ухода из Белого дома Барак Обама поставил Россию в один ряд с вирусом Эбола и ИГИЛ¹. Всё это названо главными угрозами для современного мира. Россия стала для глобалистов вирусом, который рушит привычные и такие милые их сердцу схемы.

Казалось бы, признание врагом должно быть взаимным. Однако этого не происходит. Более того, столкнувшись с внешними вызовами, Россия даже не впала в изоляционизм. Мы по-прежнему открыты для всего мира и готовы сообща работать над нашим общим будущим. Почему так? Почему нет этой «взаимности»? Дать ответ на этот вопрос достаточно легко.

Несмотря на все различия, Россия – самобытная, обособленная, но всё-таки часть Европы. Западную цивилизацию мы, несмотря ни на что, воспринимаем как цивилизацию, родственную нам.

Конфликт – это одна из форм коммуникации. Интернет и новые медиа – это одно из средств коммуникации. Конфликт между Россией и Западом, проникновение российской внутренней повестки в мировую, выявил одну простую вещь. Несмотря на все различия, Россия – самобытная, обособленная, но всё-таки часть Европы. Западную цивилизацию мы, несмотря ни на что, воспринимаем как цивилизацию, родственную нам. Для нас не существует того искусственного раздела на демократические и недемократические режимы, который старательно продвигается в угоду сиюминутным политическим интересам. Мы не противник Европы, мы её часть.

¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Глава 2. Средний класс: каким он мог стать, но не стал

Ценность: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ещё со времён отчаянных перестроечных дебатов демократов и коммунистов, рыночников и плановиков особое место в российском политическом дискурсе занял средний класс.

Его скорейшее появление и последующее уверенное развитие объявлялось необходимым условием сначала для успешного перехода к рыночной экономике, затем для преодоления тяжёлого наследия «лихих девяностых». Во второй половине нулевых средний класс был объявлен главным двигателем превращения «примитивной сырьевой экономики» в экономику инновационную.

Во всех случаях среднему классу приписывались разнообразные положительные качества, но при этом не прекращались споры о том, кого же в современных российских реалиях можно к этому прогрессивному классу отнести? Какие ценности исповедуют эти люди? Каковы их цели, жизненные траектории? Как они относятся к государству и власти? Как власть должна с ними взаимодействовать?

Портрет «идеального среднего класса», его высокую миссию в 1999 году ярко и образно описал Владимир Путин в Открытом письме к избирателям:

«Избавиться от унижения бедностью без помощи денег, конечно, невозможно. Но раздуть наш и так большой собес – тоже не метод. Это мы уже «проехали». Здесь главный ресурс – новое работоспособное поколение. Те, кто хочет и может стать состоятельными людьми в условиях цивилизованного государства. Люди молодые и энергичные, все, кто познал реальную цену труда и умеет заработать себе на жизнь, уже знают и то, как избавить страну от унижения бедностью. Они способны вернуть ей не только экономическое, но и моральное достоинство».

В 1999 году Владимир Путин обращался к «молодым и энергичным». К 2012 году им исполнилось 35–45 лет, сегодня этим людям по 40–50, и вот что из них выросло.

По данным Федеральной службы государственной статистики, численность этого уже не молодого, но ещё работоспособного поколения составляет почти 17 миллионов человек. Чем они заняты и сколько зарабатывают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.